

1834. 25 июля.

<...> Булгарина письмо о русской литературе¹ — само по себе разумеется, что тут нет даже Полевого², — однако, несмотря на многое и многое фальстафское, есть же кое-что, по крайней мере что-то похожее на несколько шутовскую, порою почти бесстыдную искренность; сверх того, отголосок нынешних требований если и не людей, мыслящих ясно, отчетливо, самостоятельно, все же людей, хотя чувствующих порою силу прекрасного, способных порою быть увлеченными вдохновением поэта... <...>

Упрекает Булгарин, между прочим, друзей Пушкина за то, что они хотели сделать из него только артиста, живописца и музыканта, — говорит, что «писатель без мыслей, без великих философических и нравственных истин, без сильных ощущений — есть просто гударь, хотя бы...» и пр. Но без сильных ощущений и мыслей можно ли быть и музыкантом, можно ли быть и живописцем? А что Булгарин понимает под *великими* нравственными истинами — мы знаем! Его величие не слишком-то велико, а, кажется, ему нужна дидактика в новом платье, от которой да сохранит нас Бог!

Примечания:

¹ Статья Ф. В. Булгарина «Письма о русской литературе. Письмо II. О характере и достоинстве поэзии А. С. Пушкина» (Сын Отечества. 1833. Ч. 33 (155). № 6. С. 309–326).

² Кюхельбекер хочет сказать, что интеллектуальный и эстетический уровень разборов Булгарина значительно уступает даже статьям Н. А. Полевого (1796–1846).